

Оксана Григорьевна Покатаева

изменить ситуацию наилучшим образом на высшее благо всех, и тогда изменится вся жизнь в лучшую сторону! В сказках тоже все решается легко и просто. Попили живую воду, укрыли волшебным полотенцем, прикоснулись волшебной палочкой. Либо, как в «Морозко», когда Иванушка осознал свою ответственность и стал делать добрые дела уже искренне. Каждый, конечно, найдет свои примеры сказок. Я же просто представила свои примеры сказок по вселенским законам. Я их только начала изучать – более пятидесяти лет всего, но мне кажется, что тема вечная, поэтому на вечность еще много чего исследовать. Выступление я на этом заканчиваю.

Доклад 47.

Третий Рим против современного мира.

Эсхатологическое основание русской идеи

Михаил Анатольевич Тюренок

Историк русской консервативной мысли, политический и религиозный публицист. Деятель православно-старообрядческого (единоверческого) движения в лоне Русской Православной Церкви. Шеф-редактор, обозреватель и руководитель идеологического отдела «Царьграда».

Академическим философом я не являюсь, базовое образование историческое. Я довольно долго занимался историей русского консерватизма. Есть незаконченное богословское образование и есть за плечами аспирантура философского факультета Московского университета по кафедре истории русской философии.

Эсхатология – учение о конце времен, о конце света. Большинство традиционных религий, и не только традиционных, верят в то, что рано или поздно наш сегодняшний мир закончится. Каким образом закончится? Здесь есть расхождение. Но в том, что конец этого мира неизбежен, есть абсолютная солидарность, абсолютное согласие у большинства религиозных течений. Я, как человек православный, буду говорить больше о православной христианской эсхатологии, о русской эсхатологии, которая неотрывна от православной христианской эсхатологии, но имеет особую самобытность. И буду говорить о том, почему именно русская идея является корнем всей христианской эсхатологии.

Вообще, русская идея для меня не какая-то сфера околонучного и научного любопытства, интереса, а часть меня. По той причине, что для человека православного русская идея – это главное. В отечественной мысли, во всей нашей русской мысли ничего более главного, более существенного нет. Конечно, у нас было немало академических философов, которые изучали различные области философского знания, проводили исследования. Они были скорее в русле классической философии. Но большинство русских мыслителей (я намеренно говорю именно «мыслители»), не были в стуртуке классической философии. Например, русские славянофилы, которые впервые начали говорить о соборности, о самобытности русской. Они вышли из немецкой классической философии, практически все наши славянофилы, будучи молодыми людьми, увлекались и Шеллингом,

и Гегелем и прекрасно владели материалом. Начинаем с них, а дальше и Владимир Соловьев, и соловьевская школа религиозной философии. Это, конечно, не системная философия, не академическая философия. Но при этом очень важный тезис. Я думаю, что он связан с тем тезисом, который был представлен организаторами философского собора как обязательный. Русское есть Соборное. Конечно, это так, и в понимании Алексея Хомякова, и в понимании изначально. Честно говоря, я не вижу здесь противоречия. Хотя многие исследователи, многие историки богословия, многие философы пытались представить, что здесь есть некое противоречие. Что Хомяков отошел от изначальной ортодоксии в вопросе соборности, но, на мой взгляд, изначальное церковное понимание, из символа веры, веры в Единую Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Здесь противоречия нет.

Единая Святая, Соборная и Апостольская Церковь, безусловно, кафоличная, безусловно, вселенская и, безусловно, соборная, в том числе в понимании Алексея Хомякова. И от своей «вселенскости» она не становится менее русской, напротив, вселенская церковь – это русская церковь. Здесь, я оговорюсь, русскость, конечно же, не в формате folk history (фолк-хистори), различных бредней в духе того, что в слове «Иерусалим» есть корень «рус», и, значит, сам Христос был русским, этнически русским. Понятно, что это полный бред. Здесь имеет значение термин – трансляция империи. Переход империи как основы общечеловеческого бытия, социального, политического, онтологического состояния человечества, от Римской империи через Арамейское царство, более известное как Византийская империя, к Третьему Риму – империи русской. Русской, разумеется, не в узком этническом смысле, здесь как раз то самое – единое во многом, которое тоже предлагается в качестве основных тезисов философского собора. Мне больше нравится термин Константина Николаевича Леонтьева, величайшего русского мыслителя, консервативного мыслителя. Вопрос спорный, можно ли назвать его философом, потому что он не представил свою гносеологическую систему и не ответил на многие базовые философские вопросы классической философии. Тем не менее русскую самобытность, русскую историософию лучше него, на мой взгляд, не представил никто. В своей изначальной работе «Византизм и славянство» и во многих других своих работах он представил связь с новым Римом, Константинополем, Византийской империей, и лучше него и до него этого не сделал никто. Но почему мы говорим о Москве как о Третьем Риме? Здесь очень важен момент богословский. Речь в данном случае об империи в богословско-эсхатологическом смысле.

Существует греческое понятие «катехан» («катехон») – это термин из Второго послания святого первого верховного апостола Павла к Фессалоникийцам: «конец времен не наступит до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь». Начиная с первых веков христианства разные богословы по-разному интерпретировали этот довольно-таки сложный фрагмент Священного Писания. Но большинство, начиная от Святителя Иоанна Златоуста, склоняется к тому, что катехан (удерживающий) – это и есть Империя. Изначально – Римская империя, которая как раз существовала в первом апостольском веке, I веке от Рождества Христова. Империя языческая, не христианская, она станет христианской только в IV веке – тем не менее уже препятствующая воцарению онтологического мирового зла. С христианской точки зрения именно Римская империя уже тогда, начиная с I века, препятствовала воцарению Антихриста. Да, безусловно, за воцарением Антихриста, согласно Апокалипсису, следует Второе славное пришествие Христа. Но тем не менее в социальном плане это время – время абсолютного ада на Земле, абсолютного зла. И даже языческая Римская империя, даже во времена лютых антихристианских гонений с Нерона до Диоклетиана – даже в это время она оставалась удерживающей.

Как для православных христиан, так и для правоверных мусульман и вообще очень многих религий очевидно, что конец времен неизбежен. Более того, все мы сегодня живем в последние времена. Кто-то называет наши последние времена кали-юга, кто-то называет времена апостасийные, то есть отход от Бога по-гречески, кто-то просто современный мир. Философы-традиционалисты, особенно XX века, остановились именно на понятии «современный мир» (modern world), и в любом случае, какими бы ни были эти понятия, это время тотального отступления от традиций. Это время десакрализации. В целом для нашего мира, для нашей истории последнего тысячелетия это отступление довольно серьезными, семимильными шагами началось со времен эпохи Возрождения. Для России это началось чуть позже, XVII век – эпоха церковного раскола, еще до петровских преобразований началась десакрализация нашего русского пространства. Сначала это четкое разделение, духовное и светское, до XVII века в России. Где-то до XII века, а для Западной Европы в чем-то даже раньше, этого разделения не было.

Есть очень важное историософское политологическое понятие – симфония властей. Это понятие, как некий идеал, идеал еще византийский, начало рассыпаться в России XVII века. Дальше Петр I запретил избрание патриарха, Петр I фактически подчинил себе, как царю, всю русскую церковь, возглавил ее. Именно тогда, в XVII веке, как реакция на ту са-

мую десакрализацию, как реакция на наступление современного мира появляется в православии течение старообрядчества. Это чрезвычайно важный феномен, о котором необходимо, я думаю, говорить как можно больше. К сожалению, сейчас у нас в современном мире принято говорить, что это какие-то маленькие кучки людей, женщины в сарафанах, мужчины в косоворотках, молятся двумя перстами и в принципе никакого влияния на современное общество не оказывают. Но для понимания русской идеи то, что произошло в XVII веке, это узловой момент. До этого времени русская идея была органично включена в само бытие нашего общества, нашего государства. С XVII века она стала отделяться, в какой-то степени она продолжала жить в старообрядческих согласиях, кстати, нельзя говорить о том, что это были какие-то закоснелые и далекие от философского знания люди.

Само появление традиционалистов, в данном случае практических традиционалистов – русских старообрядцев, или теоретических традиционалистов – славянофилов XIX века, или философских традиционалистов XX века, например Рене Генона, было именно реакцией на наступление современного мира. Современного мира, который можно назвать либеральным миром, глобалистским миром, как угодно, но это то, что полностью десакрализует наш мир, и то, что произошло в XX веке в России. Это, безусловно, четкое осознание, что Россия даже при большевиках сохраняла свою катеханичность, то есть она сохраняла роль удерживающих. Она ее приняла еще в середине XV века, когда Византийская империя пала под ударами турок-османов и именно в это время (как человек православный не могу иначе сказать – это было промыслом Божиим) Россия стала укрепляться именно как суверенное государство. И это не история, это не политология, это именно православная эсхатология. Именно тогда государство российское, совсем еще молодое, которое только в 1480 году наконец полностью станет свободным от ордынского влияния, стало империей, империей не в политическом смысле, а империей в смысле сакральном.

Очень важно понять, что русская идея – это в первую очередь русская традиция. В русской древности, в Московском царстве никто понятием традиции и не пользовался, никто не помышлял, хотя бы по той причине, что это было традиционное общество. Традиционализм появляется, как я уже сказал, как реакция на наступление современного мира, но чрезвычайно важно понять, что удерживающий не отнимается от среды, от всего мира, от всего человечества, бытия человечества. И этот удерживающий – именно Империя. Империя допетровская, когда русское царство еще не имело самого понятия «империя», оно появилось

только в 1721 году. Но суть от этого не менялась, империи уже XVIII–XIX века, даже империя советской, даже ельцинской России 1990-х годов все равно оставались катеханом.

Если сильно упрощать, а это неизбежно нужно сделать, то очень важно сказать, что никакой горделивости нет в этом понимании, в том, что «Москва – третий Рим, четвертому не бывать», – как сказал еще старец Филофей в начале XVI века.

Один мой хороший знакомый, профессор Николай Николаевич Лисовой, очень емко и четко сформулировал, что же это значит. «Когда старец Филофей сказал, что Москва – третий Рим, а четвертому не бывать, то это было не горделивым лозунгом, что мы самые лучшие и самые высшие. Смысл этого был иным: «Ребята, мы последний окоп, отступать некуда, если нас не станет, то и православия не станет». И это понимание постепенно восторжествовало во всем православном мире, вплоть до того, что те же восточные патриархи, которые после этого поехали в Москву, кто за милостыней, кто за политической поддержкой, сами признали нас третьим Римом, а русскую церковь – последним оплотом православия на Земле». Так вот, последний окоп – это очень важное понятие. Мы, русские, последний окоп. И именно последний окоп – это наша русская идея: защищать этот окоп, отстаивать его, отстаивать именно свою самобытность, в том, что этот окоп и есть последний рубеж православия.

В принципе, важно не то, что мы с вами думаем о русской идее, а то, что Бог думает о нас. В этом и есть смысл. А в том, что Он о нас думает и что есть определенный Божий промысел касаясь России и русских, в этом сомневаться нисколько не приходится. Все мы существуем по Божественному промыслу, хотя это не отнимает свободы воли. Следствием этой свободы воли было грехопадение Адама и Евы, и сегодняшнее наступление современного мира – это тоже следствие свободы воли, того самого современного мира, который пытается здесь и сейчас вытравить из нас, из русских, последние остатки традиции.

Сейчас философы или пропагандисты, как мы, телеканал «Царьград». Я пропагандист русской идеи, мы являемся теми же самыми гвардейцами-панфиловцами в идейном смысле. Ими же были те самые славянофилы XIX века, после XVIII века, когда из России пытались вытравить все русское. Оно сохранялось на уровне сельских батюшек, на уровне крестьянских общин, оно, безусловно, никуда не делось. Тем не менее из элиты оно вытравливалось полностью. Дошло до того, что в начале XIX века значительная часть русского дворянства в детстве не умела говорить по-русски. Вспомним «Войну и мир» Льва Толстого,

встречу Платона Каратаева с Пьером Безуховым, это была встреча двух разных миров. Но тем не менее эти миры начали соединяться в XIX веке. Может быть, как раз война 1812 года и стала этим поворотным событием. Славянофилы появились чуть позже, безусловно, они были теми же людьми, которые охраняли этот последний окоп.

Очень известный, очень интересный ранний русский консерватор Шишков много писал о русской самобытности, пытался сохранить славяно-русский корнеслов, то есть основу нашего русского языка. Прямо скажем, западные или западно-восточные философы-традиционалисты, тот же самый Рене Дюмон, в какой-то степени Юлиус Эвола, несмотря на то, что его языческие воззрения мне совсем не близки, тот же самый Кумарасвами, чей сын в итоге стал известным публицистом и мыслителем среди католиков-традиционалистов, те же самые старообрядцы, о которых мы говорили, – это все те самые гвардейцы, которые защищали последний окоп. Последний окоп русскости. В какой-то степени к ним же можно отнести и политические движения, которые принято называть ультраправыми или ультраконсервативными. Сюда можно отнести в какой-то степени Марин Ле Пен. Хотя эти политические деятели, к сожалению, встраивались в политическую систему современного мира, они постоянно пытаются отречься от традиции и традиционализма. В итоге, если брать политический момент, чуть ли не главным политическим традиционалистом сегодняшнего дня становится В. В. Путин. Те решения, которые он принял в 2022 году, решения чрезвычайно сложные, которые осуждаются во всем мире, на мой взгляд, и я абсолютно в этом уверен, решения традиционалистские. Я не знаю, насколько он это отрефлексовал. В последнее время он стал цитировать не только Ивана Ильина, но и многих, на мой взгляд, гораздо более самобытных русских философов, например Николая Данилевского, которого он процитировал буквально пару месяцев назад. (Николай Данилевский был философом действительно славянофильского толка, и в какой-то степени он был предтечей русского евразийства, или, возьмем, например, его полемику с Западом, когда он назвал западную идеологию религией наоборот и сравнил с сатанизмом.) Что это? Работа какого-то профессионального спичрайтера или это его личные размышления? Здесь я не берусь судить. Но то, что современная священная специальная военная операция – это самое настоящее восстание против современного мира, на мой взгляд, это абсолютно очевидно, это практическое восстание против современного мира, не интеллектуальное, а практическое. Как, кстати, и недавнее утверждение основной политики по сохранению и утверждению традиционных

духовно-нравственных ценностей. Это тоже базовое основание нашего последнего окопа.

Здесь мы переходим к рассуждениям на уровне политической этики. Не берусь рассматривать те ценности, которые в основе государственной политики утверждаются. Александр Дугин очень подробно у себя в телеграм-канале написал об этом, и у нас на сайте телеканала «Царьград» вышла статья в трех частях на эту тему. Но если коротко, то именно в базовых ценностных основаниях этого документа основа русской идеологии. Понятное дело, что термины мы разделяем, есть идеология, а есть русская идея, но корреляция между ними, безусловно, существует. Как бы то ни было, сделан чрезвычайно важный шаг. Мы уходим не от формально безыдейного существования России и русских, а, по сути, от прозябания на задворках либеральной парадигмы. То, что нам навязывалось еще с конца 1980-х – начала 1990-х годов, то, что было закреплено в печально известной 13 статье до сих пор действующего основного закона – Конституции, о том, что в России запрещена государственная идеология. Не может существовать Россия без идеологии, по моему твердому убеждению, идеология должна, конечно же, базироваться на русской идее. Конечно, это упрощенная и транслированная для большинства населения, но это основа понимания именно русской идеи. А то, что русская идея, это идея катеханическая, это идея о существовании России как последнего оплота православия, как удерживающего весь мир от прихода Антихриста, для меня совершенно и абсолютно очевидно.

Что же можно сказать в итоге? Мы, русские, в первую очередь потому русские, потому что мы православные. Это жесткий тезис, многие с ним могут не согласиться, но я сомневаюсь, что человек, который уверяет, что он русский и при этом атеист, является носителем и транслятором русской идеи. Русский – в первую очередь православный. Наша задача, задача русских, это противостояние разрушающему традиции современному миру и разрушающему не просто из вредности, а именно ради того, чтобы приготовить весь мир к воцарению абсолютного зла. В православном понимании Антихрист, в исламской традиции Даджал, в целом назовем это абсолютным злом.

Интересно и забавно, что, как мне кажется, еще более далекий, чем Владимир Владимирович Путин, от русской философии человек, Дмитрий Медведев в своем телеграм-канале в последнее время стал часто цитировать Откровение Иоанна Богослова, весьма показательно, это, на мой взгляд, очень хороший знак. Книга чрезвычайно полезная для всех, не только для православных христиан, в первую очередь

Михаил Анатольевич Тюренокв

полезная для русских. Можно даже сказать, что «Апокалипсис» – это главная книга о русской идее. Конечно, здесь нужно оговориться. Русская эсхатологичность, русская катеханичность, русская имперскость несколько не противоречит мыслям Бога и Его промыслу о других народах. В этом, наверное, главное отличие русской идеи от лжеидеи современного мира, лжеимперии, которая навязывает всем десакрализацию и тоталитарный либерализм, который в итоге приведет к разрушению всего и вся. Мы же никому ничего не навязываем. Мы чаем воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь.

Доклад 48.

Русская идея: формально-юридическое измерение содержательных поисков

Валентин Валентинович Балановский

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Балтийского Федерального университета им. Иммануила Канта. Председатель Калининградского отделения Российского философского общества.

Поиск русской идеи – одна из ключевых проблем русской литературы и философии. Отсюда большое многообразие концепций, каждая из которых претендует на верховенство. При этом предпочтение какую-либо из версий до сих пор не представляется возможным, так как каждая из них игнорирует существенные моменты, из-за чего за кругом, очерченным тем или иным вариантом русской идеи, оказывается довольно много несогласных с ним людей. Так, философы, которые полагают, что в основе русской идеи должно лежать христианское миропонимание, забывают, что в нашей стране довольно много мусульман и теперь уже и атеистов: статистика показывает, что атеисты – это вторая по численности конфессия в Российской Федерации. Те, кто полагает, что в основе ценностного базиса должно лежать западноевропейское понимание права и свободы, забывают о самобытности русской культуры. Панслависты не учли, что не все славяне готовы признать лидерство русских, а сторонники сближения с Востоком и Азией, видимо, не до конца осознают мощь и пассионарную заряженность этих народов, которой в настоящий момент русскому миру нечего противопоставить.

До сих пор наибольшим объединительным потенциалом обладала русская идея, сформулированная коммунистами. Успех этой идеологии во многом был обусловлен тем, что марксисты-ленинисты, будучи продолжателями западничества, всё же учли важность коллективизма для русского человека, т. е. не посчитали зазорным обогатить западничество элементами славянофильства. Итог – наша страна при Советах достигла пика своего могущества (надеюсь, не последнего). Однако после развала Советского Союза пришлось заново определять, какой ценностный код в состоянии интегрировать наше дезинтегрированное общество. И в этой сфере есть новости.